

в себя следующие моменты: формирование связанных с критериями и показателями учетно-контрольных показателей, нормативность, приемлемость ее для всех субъектов оценки, инструментальность оценки, включая и удобства пользования, выработка рекомендаций по результатам оценивания.

б) *Проекция модели на реальные условия профессиональной деятельности, выявление возможных и перспективных проблем (нормативно-поисковый прогноз)*. В модельном представлении содержание прогностической компетенции представлено по признаку основных структурных компонентов деятельности: целевые приоритеты прогнозирования, т. е. те, которые выступают как предпосылки, оправдывающие ее необходимость; конкретные задачи, решаемые в масштабах более частных деятельностей в области прогнозирования (например, разработка программы исследования); область средств, позволяющих решать задачи прогностической деятельности; внешние условия осуществления компетенции специалистом профессиональной деятельности; реальный продукт деятельности, наиболее полно отвечающий конкретной цели прогнозирования (прогноз); область результата, который не всегда совпадает с достигнутой целью и в своем содержании представляет всю целостную картину целедостижения (овладение прогностической компетенцией) [5]; рефлексивный анализ-синтез.

Профессиональная деятельность как системное образование в той или иной степени коррелирует с условиями ее осуществления. Отсюда субъект прогнозирования, проецируя модель в профессиональную сферу, учитывает несколько существенных факторов. Во-первых, прогнозную модель, представляющую определенную инструментально-поисковую матрицу, проецируемую на объект прогнозирования (например, на процесс развертывания профессиональной деятельности в наиболее типичных условиях). Во-вторых, структуру самой профессиональной деятельности. Здесь важно найти коррелирующие линии между моделью прогнозирования и моделью профессиональной деятельности. В-третьих, необходимо учитывать конкретные условия проецирования модели на профессиональную деятельность, исполняемую конкретными специалистами.

Такое соотношение позволяет выделить и уточнить имеющиеся проблемы в развитии профессиональной компетенции субъекта. Выделение проблем неизбежно влечет за собой ряд других когнитивных интенций прогностического плана: уточнение идеального образа-модели профессиональной деятельности в ее динамике; определение проблемосодержащих областей и их соотношений; формирование списка проблем и их последующая классификация; выделение главных, основных, ведущих проблем, их комплексирование; формирование областей целеполагания, задачестроения и средств; применение различных видов рефлексии; формирование выводов, алгоритмов и их применение в решении схожих проблем.

Важная особенность такой модельной системы состоит в том, что она призвана способствовать развитию личностных потребностей, интересов

и целей. В современных условиях эти мотивационные императивы могут быть удовлетворены только в системно организованной форме, располагающей значительными ресурсами. Можно предположить, что вклады в формирование, становление и развитие таких систем будут расти постоянно, потому как растет осознание той непреложной идеи, что создание соответствующих условий и реальная востребованность специалиста, его потенциала становятся важнейшими факторами конкурентоспособного развития личности, общества и государства. Уместно в этой связи обратиться к замечательному высказыванию Гегеля, обратившего внимание на экзистенциальные стороны целедостижения: «Все старания человека направлены к достижению цели, а когда эта цель достигнута, мы удивляемся, не найдя ничего другого, кроме того, что хотели. Но интерес представляет именно все движение в целом. Когда человек проследит свою жизнь, ее последний этап может казаться ему очень ограниченным, но этот конец есть *decursus vitae*, вмещающий в себя все» [2, с. 420].

Список использованных источников

1. Путеводитель по основным понятиям и схемам Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого / сост. В. П. Зинченко. – М.: Дело, 2004. – 208 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1: Наука логики. – 452 с.
3. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М.: Школа культурной политики, 2001. – 780 с.
4. Анисимов, О. С. Принятие государственных решений и методологизация образования / О. С. Анисимов. – М.: АКО АПК, 2003. – 421 с.
5. Позняков, В. В. Управление по результату: структура, модель, средства / В. В. Позняков. – Кіраўніцтва ў адукацыі. – 2011. – № 5. – С. 14–20.

(Дата подачи: 20.02.2015 г.)

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+101.1:316

ИРОНИЯ ПРОТИВ НАСИЛИЯ В УТОПИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Р. РОРТИ

IRONY AGAINST VIOLENCE IN THE UTOPIAN PROJECT OF R. RORTI

Статья посвящена анализу концепции «либерального иронизма» Р. Рорти как социального идеала, суть которого заключается в том, что ироник признает случайность своего языка и сознания, а либерал рассматривает жестокость как наихудшее проявление

ния зла. Выступая против фундаментализма, Р. Рорти предлагает свой вариант решения проблемы насильственного насаждения истины и равнодушия к жестокости. Несмотря на то, что проект «либерального иронизма» предстает как поэтическая утопия, он, несомненно, содержит методологический потенциал для понимания причин эскалации насилия в современном мире и возвращение моды на фундаменталистские и националистические движения, в частности исламский фундаментализм.

Ключевые слова: жестокость; ирония; истина; либерал; либеральный иронизм; насилие; равнодушие; случайность; солидарность; унижение; утопия.

This article analyzes the concept of "liberal ironism" Richard Rorty as a social ideal, the essence of which is that the ironist recognizes the contingency of his language and consciousness, and the liberal considers the cruelty as the worst manifestations of evil. Speaking against fundamentalism, R. Rorty offers his solution to the problem of the forcible assertion of truth and the indifference to the cruelty. In spite of the fact that the project «liberal ironism» is a poetic utopia, it undoubtedly contains the methodological potential for understanding the causes of escalation of violence in the modern world and the fundamentalist and nationalist movements, such as Islamic fundamentalism.

Key words: cruelty; irony; truth; liberal; liberal ironism; violence; indifference; accident; solidarity; humiliation; utopia.

Современный глобализирующийся мир как открытая неравновесная система представляет собой результат двух разнонаправленных векторов социальных процессов: центростремительных и центробежных. В силу чего стремление к установлению некоего единого языка как единственно возможного для всех объективного описания реальности порождает желание отстоять свое право на собственное описание реальности. Такое столкновение неминуемо приводит к конфликтам и эскалации насилия. Убежденность в своей правоте, базирующееся на вере в существование объективной истины «вовне» и поэтому дающее право на аргументацию с позиции силы, вызывает ответную реакцию в отстаивании своей правоты. Вместе с тем, риск трансформации такой конфронтации в новую мировую войну вполне обоснован, так как в процессе отстаивания «своего словаря» как единственно верного описания реальности, страны не просто не слышат друг друга, не только стремятся к взаимной дезинформации, но и настроены на жесткое подавление иной точки зрения. Выступая против фундаментализма как «слепой» убежденности в своей правоте, американский философ Р. Рорти предлагает свой вариант решения проблемы насильственного насаждения истины и равнодушия к жестокости. Единственным выходом для человечества, с его точки зрения, является реализация проекта либерального общества ироников. Необходимо подчеркнуть, что этот проект предстает как поэтическая утопия, однако он, несомненно, содержит методологический потенциал для понимания причин эскалации насилия в современном мире и возвращение моды на фундаменталистские и националистические движения, в частности такие, как исламский фундаментализм.

Свой социальный идеал Р. Рорти связывает с проектом «либерального иронизма», суть которого заключается в том, что ироник признает прин-

ципиальную случайность и относительность своего языка и сознания, а либерал рассматривает жестокость как наихудшее проявления зла. В силу этого будущее либеральное общество должно быть ориентировано на идеал свободы, а не истины, на легитимность дискурсов, а не одного авторитетного высказывания, на либеральных ироников, а не демократов [1]. Таким образом, социальная модель Р. Рорти представляет собой попытку философского осмысления проблемы соотношения личного и общественного модусов человеческого бытия. В решении этой проблемы философ выделяет два основных подхода: первый восходит к христианской версии исходного совпадения целей индивидуальной самореализации и общего блага, т. е. интересы отдельной личности полностью совпадают с общечеловеческими ценностями; второй подход связан с пониманием человеческого бытия как принципиально противоположного потребностям общества, поэтому центральным здесь становится провозглашение автономии и свободы личности. Развитие общества представляет собой процесс попеременной смены этих двух ориентаций по отношению к ценности человеческой жизни, а прогрессивной стадией социального развития становится достижение общечеловеческой солидарности. Однако в такой трактовке социальной динамики Р. Рорти усматривает основную ошибку: исходную неправомомерность теоретических ориентаций на поиск всеобщих и неизменных свойств бытия. Таким метафизическим заблуждением стала уверенность в существовании внутренней единой природы мира и человека, которая, с одной стороны, порождала уверенность в достижении общезначимой истины, а с другой стороны, создавала иллюзию осуществления общечеловеческой солидарности. Р. Рорти подчеркивает, что не существует единой природы мира и человека, как не существует метаязыка, позволяющего нам выбирать между соперничающими языками нового порядка.

Р. Рорти проводит различие между ироником и метафизиком подобно тому, как З. Бауман различает законодателя и толкователями. Остановимся на этих параллелях более подробно. Итак, метафизик в понимании Р. Рорти выстраивает свою позицию на основе здравого смысла и описывает реальность в терминах конечного словаря, к которому он привык. Так, «метафизик думает, что хотя мы можем и не иметь на все ответов, мы все же получили критерий их правильности» [1, с. 107], а значит, имеем право убеждать в своей правоте либо силой аргументов, либо силой оружия. Такой образ метафизика позволяет отождествить его с законодателем. З. Бауман в своей работе «Законодатели и толкователи: о модерне, постмодерне и интеллектуалах» анализирует ментальности модерна и постмодерна [2]. Так, под законодателями он имеет в виду интеллектуалов с модернистским мышлением, для которых характерны авторитарные суждения, стремление выбирать между разными мнениями, вера в правильность и возможность доказать эту правоту, претензия на право выносить заключения о значимости идей, их моральной ценности. Такая позиция законодателей объясняется тем, что

мир модернизировать имеет четкую структуру изданности параметров, а значит, можно дать оценку, соответствует ли он моральным параметрам или нет. Как видим, и метафизик, и законодатель убеждены, что обладают критериями, а значит, только они могут обладать правом на «истинное» описание реальности.

Что же касается толкователя, то это интеллектуалы с постмодернистским мышлением, характерным для современного общества. Соответственно, новая картина мира уже не имеет четких параметров и границ, нет линейки, с помощью которой можно было бы измерить его основные величины, не говоря уже об оценке моральности современных идей и событий. Раз современный мир утратил свои рамки, то толкователь уже не может претендовать на возможность выбора и на право давать свои оценки. Для толкователей современного мира характерно иное: они делают доступными идеи одного сообщества для восприятия другим сообществом, т. е. ориентируются не на выбор «лучших» идей, а на возможность коммуникации между сообществами.

В отличие от законодателей и метафизиков, ироника, чья значимость для своего проекта раскрывает Р. Рорти, «признают, что в зависимости от переописания все может выглядеть хорошим или плохим, и потому что их отказ от попытки сформулировать критерий выбора между конечными словарями ставит их в позицию, которую Сартр назвал «мета-устойчивой»: они никогда не способны принимать себя всерьез, потому что всегда сознают, что термины самоописания всегда подвержены изменениям, они всегда сознают случайность и хрупкость своих конечных словарей, а значит и самих себя» [1, с. 104]. На первый взгляд кажется, что между ироником и толкователем можно провести знак равенства, однако это сходство обманчиво. Во-первых, в отличие от ироника, который реализует практику самосозидания как самоописания, толкователь – это продукт современного общества. Во-вторых, толкователь, в отличие от ироника, стремится к заключению, а не к переописанию. Для толкователя важно донести сообщение до других, а значит в ситуации выбора способов передачи сообщения, он выберет более эффективные, а не морально признанные. Так, например, когда представители так называемого Исламского государства выкладывают в сеть кадры убийств заложников, то это, с позиции толкователя, лишь передача сообщения о своей «истине» всему миру, причем самым эффективным способом: все каналы СМИ об этом сообщают, а ужас и иррациональность акта казни «цепляет за живое». Так, толкователь покидает пространство этики, переходя в пространство эстетики.

В отличие от толкователя, ироник использует не метод заключения, а метод переописания. Основная его задача заключается в том, чтобы переписать себя и свое прошлое с помощью своего словаря, прекрасно осознавая, что выбор и прошлого и словаря случаен. Такая позиция ироника не только не дает ему право на насильственное убеждение других, но, наобо-

рот, открывает ему случайность любой истины, а значит право другого на такой же акт самосозидания через создание собственного словаря. Метафизик и законодатель, конечно же, обвинят ироника в безответственности, однако ироник не покидает пространства нравственности, более того, для него существует непреодолимая граница – это жестокость по отношению к другому. Р. Рорти подчеркивает, что ироник не способен причинить другому боль, он просто, в отличие от метафизика, не способен дать полномочия. Метафизик считает, что есть связь между переописанием и властью, а значит, верное переописание может сделать человечество свободным, счастливым. Ироник, в отличие от него, не предлагает никакой подобной гарантии. В качестве единственно необходимой скрепляющей социальной силы ироник признает общую чувствительность к унижению. Вот как об этом пишет Р. Рорти: «Если для метафизика значимой нравственной характеристикой других людей является их отношение к более влиятельной силе – например, к рациональности, Богу, истине или истории – то ироник считает значимым нравственным определением личности, нравственного субъекта то, что может быть подвергнуто унижению» [1, с. 126]. Таким образом, ироник понимает человеческую солидарность как единство, основывающееся на чувстве общей опасности, а не на обладании, или вере, или силе, которую все разделяют или должны разделять. Ироник считает, что его объединяет с другими людьми не общий язык, ни один Бог, а только чувствительность к боли. Для ироника, поскольку он еще и либерал, важно осознание различных способов унижения, которым могут подвергаться другие. Поэтому, с точки зрения Р. Рорти, либеральному ироннику требуется «как можно более обширное имажинативное знакомство с альтернативными конечными словарями других людей, не только ради собственного самопросвещения, но чтобы также понимать актуальное и возможное унижение людей, пользующихся этими альтернативными конечными словарями» [1, с. 126]. Можно предположить, что в таком случае в обществе либеральных ироников просто не возможна ситуация ни с карикатурами на сакральных фигур (например, на образ Мухаммеда), ни с агрессивными реакциями на эти карикатуры.

В своем проекте социального идеала Р. Рорти интерпретирует насилие как любую форму жестокости. В частности, обращаясь к анализу романов В. Набокова, философ отмечает, что В. Набоков писал о жестокости изнутри, давая тем самым понять, как приватный поиск наслаждения порождает жестокость. Здесь акцент делается на возможной ловушке для ироника: увлекшись созданием своего словаря, можно не заметить страдания других. Так, В. Набоков, по мысли Р. Рорти, в образах Кинбота и Гумберта раскрывает особую форму жестокости – это отсутствие любознательности. Поэтому, для того чтобы не превратиться в жестокого эстета, ироник должен не наблюдать а батъзаинтересованным в словарях как проектах переописания других. Отсюда мораль, в понимании Р. Рорти, заключается в том, чтобы замечать, что делаешь, и в особенности, что говорят другие, так как может

так оказаться, что другой пытается сказать, что он страдает. Таким образом, отсутствие любознательности порождают особую форму жестокости как равнодушие. В отличие от В. Набокова, Д. Оруэлл, если следовать логике Р. Рорти, раскрывает жестокость извне, порожденную технически достигнутым равенством. Д. Оруэлл акцентировал внимание на том, что те же самые события, сделавшие технически возможным равенство среди людей, могут привести к возможному бесконечному человеческому рабству. Для того, чтобы остановить диктат Министерства Правды, необходима сама возможность говорить с другими о том, что кажется истинным, а не о том, что истинно на самом деле. Здесь ловушка, которую должен избежать ироник, заключается в том, чтобы он не поддавался идеи о врожденной солидарности. «Мы не будем обладать никакой общностью только в силу того, что мы люди. Ибо все, что мы разделяем с другими людьми, мы разделяем также со всеми остальными живыми существами – способность чувствовать боль» [1, с. 226]. Так, человек способен испытывать особого рода боль: боль унижения, которая заключается в том, чтобы «переделать мир» жертвы так, чтобы сделать для нее невозможным использовать свой язык для описания того, чем она была. С нашей точки зрения, именно это и совершает группировка «Исламское государство», заставляя жертву проговаривать текст палача. Следуя логике, Р. Рорти, единственный смысл такого насилия заключается в том, чтобы сломить волю человека, «сделать личность неспособной иметь самость». «... Самое плохое, что можно причинить человеку – это не столько заставить его корчиться в агонии, но использовать эту агонию таким образом, чтобы даже после того, как она закончится, личность не смогла бы себя реконституировать» [1, с. 226]. Единственный выход в недопущении такого рода жестокости как причинение боли через унижение Р. Рорти видит в том, чтобы отказаться от фундаменталистских установок и осознать, что истина и нравственное сознание историчны, т. е. являются продуктами времени и случая.

Концепция «иронической солидарности» Р. Рорти основана на антиметафизической трактовке истины как незыблемого, объективного и реально существующего знания. Напротив, истина в понимании философа представляет собой субъективный продукт человеческих исканий, в силу чего она не является отражением объективной реальности, а значит, не может претендовать на общезначимость. Объективность истины проявляется лишь в процессе вербализации. При этом язык не выступает механизмом репрезентации действительности, а играет роль инструмента, посредством которого человек открывает для себя новый спектр значений. Претензия на открытие нового реализуется в создании собственного языка как создания новой картины реальности и переописания себя. Таким образом, человек погружен в знаково-семантический континуум как в «словарь», который очерчивает круг реального, привычного, вспоминаемого. Поэтому Р. Рорти, вслед за Ф. Ницше, трактует истину как «подвижную армию метафор» [1,

с. 39]. В силу этого данная конкретная истина актуальна только до тех пор, пока она существует как процесс, но не как результат. Развитие языка представляет собой развитие мира. Создание собственного языка сродни самозиданию, которое возможно лишь через свободный выбор своего прошлого. Осуществить этот процесс возможно только через игру, дающую право на существование любым метафорам, следовательно, и истинам. В свою очередь реализация заложенной в игре свободы возможна только при осознании принципиальной случайности своего словаря.

Как полагает Р. Рорти, современное общество нуждается в новом переоткрытии либерализма, при котором будет разрешено называть истиной все, не задаваясь вопросом о достоверности высказывания. «Либеральное общество – это единственное общество, чьи идеалы могут быть воплощены через убеждение больше, чем посредством силы, ..., свободным и открытым столкновением новых практик» [1, с. 60]. Необходимость в создании нового либерального общества и подлинного обеспечения свободы ставит перед Р. Рорти задачу создания нового философского языка. Однако чтобы при решении этой задачи не попасть в ловушку «измом», он выбирает позицию ирониста, сомневающегося в законченности своего словаря и поэтому способного оценить достоинство чужой метафоры. Таким образом, иронист никогда не станет диктовать свою истину, а значит, будет всегда против террора и диктата. Отсюда, единственное политическое требование ирониста связано с неприемлемостью силы в отношении личных убеждений.

Таким образом, в качестве социального клея нового общества должна выступить солидарность, порожденная чувством боли. Если человек знает, что такое боль, он никогда не причинит эту боль другому, и в этом своем стремлении он будет солидарен со всеми, так как боль – это то общее, что есть у всех и, поэтому всех нас объединяет, в отличие от уровня образования, дохода, национальности, возраста и т. п. Таким образом, единым свойством человеческой природы является способность в равной мере чувствовать боль потому, что как внелингвистическая данность, боль понятна всем вне зависимости от индивидуальных словарей. Так, солидарность формируется под воздействием случайных обстоятельств. Универсальность нашей способности чувствовать боль, как на это надеется Р. Рорти, возможно действительно позволит нам не проводить границы между «мы» и «они», не разграничивать пространство по линиям фронта.

Список использованных источников

1. *Рорти, Р.* Случайность, ирония и солидарность / Ричард Рорти; пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.
2. *Бауман, З.* Законодатели и толкователи. Культура как идеология интеллектуалов / З. Бауман // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 1(27). – С. 5–20.

(Дата подачи: 13.02.2015 г.)